

Юрий Аленко

Прус и воля

Юрий Аленко

Трус и воля

«Издательские решения»

Аленко Ю.

Трус и воля / Ю. Аленко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835581-3

Жанр относится к роману, хотя похоже на автобиографию. Однако действие касается не только автора, есть сюжетные ходы, не имеющие к нему отношения.

ISBN 978-5-44-835581-3

© Аленко Ю.
© Издательские решения

Содержание

Крым. Лето 1954	6
Явление героя	7
Жадность	8
О моей несбывшейся любви	9
Мимолетности	17
Об относительности	20
Влюбленность	21
Счастье	25
Ты мой восторг, моё мученье...	30
Я червь, я раб	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Трус и воля

Юрий Аленко

© Юрий Аленко, 2021

ISBN 978-5-4483-5581-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Крым. Лето 1954

Море всегда таило в себе неожиданность, она привыкла. Вот и сейчас творилось нечто непонятное. Мир, такой светлый и добрый, вдруг показал зубы: к её отцу подошли двое крепко сбитых парней.

Папа прошел войну. Темы о войне были редкостью в их семье, но от тем этих не отмахивались.

Разговор двух парней и её папы, было видно, приобретал острый характер, острый, как кинжал, который отец всегда носил при себе. Но это когда был в форме, сейчас на нем, кроме парусиновых брюк, сандалий и футболки, не было ничего.

Вика осмотрелась, примечая возможное оружие, и увидела. Это редкость на пляже, но среди камней лежала почти сухая ветка. Ее главное достоинство – острый кончик.

Отец в конфликте отступал, уводя хулиганов от малолетней дочери. А Вика схватила дрын и бросилась на парней. Те явно не ждали такой активности, так что, один из них вскоре держался за разорванную щеку, а второй пытался увернуться от дрына. Девочка, нанеся первую страшную рану острой палкой, пыталась дотянуться и до второго. Сомнений в том, что малолетка готова изуродовать, не было, и оба пустились наутек.

Отец с удивлением смотрел на дочь. А Вика, не выпуская своего оружия из рук и озираясь в поисках нападавших, наконец, опустила палку и, волоча за собой, подошла к отцу.

– Вика, доченька! – поднимался Павел Семенович – Как ты смогла?

– Но они тебя толкнули, папа! Как же мне можно было по-другому?

Явление героя

Папа у Пашки офицер. Он кому-то подчинялся, а солдаты – подчинялись ему. Но пацана это не занимало. Папа не каждый день дома. И Пашке дома было неинтересно.

Интересно наблюдать за ящерками, интересно ловить их, а иной раз какая-нибудь оставляла у Пашки в руке свой хвост. Это было в жаркий солнечный день в горах, куда поехали с папой и мамой.

А потом ему исполнилось 5 лет, и мама спросила: что тебе подарить? Можно было выбирать между заводным водным катерком и набором конфет со странным названием «Ассорти». Мама сказала: Я знаю, ты мечтал о катере, но к тебе придут гости, и конфеты порадуют гостей. А катерок порадует тебя одного. И он понял, что надо выбрать конфеты.

Однажды папа задержался утром и не сразу пошел в полк. Сыну же в ответ на вопрос, куда он пойдет, махнул рукой в сторону. Паша стал ждать.

Мама на работе у себя в больнице. Где это, сын не представлял. А папа точно махнул рукой, значит, в той стороне его можно было найти. Ждать не хотелось, и Пашка пошел в том направлении.

Это была проезжая часть дороги. Он все шел и шел, никуда не сворачивая. Мысли повернуть назад не приходило в голову – позади не было папы. Ноги уже устали, но он продолжал идти.

А потом его обогнала машина – армейский джип, она затормозила, из нее выскочил папа и бросился к сыну. Подхватил на руки и стал подбрасывать и ловить, смеясь.

Потом папа посадил его в машину, сел сам и велел шоферу ехать. Малышу он сказал: «Больше так никогда не делай, ладно?» – «Как?» – «Ну, ты же ушел, а мы никто не знаем, куда и зачем?» – «Но, папа, ты же показал, куда пойдешь!» – «И что?» – «И я пошел тебя искать» – «Ну, и что, нашел?» – «Нашел. Ты же – вот он!»

И папа снова засмеялся...

И все-таки Пашка всегда делал так, как ему казалось нужным.

Жадность

От мальчика исходил свет. Волосы светлы, на лице неизменная улыбка, демонстрирующая миру расположение. Родители Паши кандидатуру в друзья одобряли. И ведь вот зараза: узнал адрес и стал навещать! Но Пашу именно Леша и не устраивал. Категорически. Почему? Не нравился! И всё!

У них своя компания. Пацанам по 12 лет (Леше – тоже). Они курили втихомолку по разным закоулкам. Сигареты и папиросы в свободной продаже в широком ассортименте в магазинах. Впрочем, ходить не далеко. Цены доступные, от 8-ми копеек. Самым лакомым были сигареты «Друг» с золотым ободком, однако и стоили 45 копеек. Курить такие знак принадлежности свету.

Леша не принимался. Курить не курил (мама не разрешала), но и не чурался курящих. Тем не менее. Не нравился!

И вот они собрались однажды вместе: Сашка Якимов, Севка Вышенский, Пашка Аленков, Валька Малахов, Генка Коротков, Серега Дмитришин и Леша. Леша со своей не сходящей с лица улыбочкой стоял напротив компании. Паша вышел на круг и прочитал:

«...и не привязывайся к нам, а то получишь по мозгам!»

Выглядело талантливо. Почти Пушкин. И Леша – как граф Воронцов. У Сашки было бы лучше, но Сашка добрый и вряд ли стал бы писать такое товарищу.

Расстались. Компания сама по себе (сигареты, вино, в дальнейшем – водка), Леша – сам по себе. Что с ним стало, бог весть, но человек порядочный не меняется в качестве.

В грядущей юности Паша оказался влюбленным, и в этом состоянии брел по жизни сомнамбулически. Претензии на внимание с его стороны отвергал с презрением. Какая-никакая девчушка пыталась пристать к нему, сидя рядышком в кинотеатре, но он кривил губы и не отвечал. Однажды очаровательная ровесница, имеющая несчастнейший вид, пыталась его соблазнить предложением дружбы. Звали неприятным именем Галя! И он, не забывая о своем чувстве к другой, уклонился, сжимая зубы.

Зачем? Это ли не жадность? Жалко себя, своей души? Или ее не доставало?

Но если души мало, открывать жалко?

О моей несбывшейся любви

Есть такое качество, называется «не могу не писать!» По ночам не спишь, порываясь к столу и тексту. Однажды сподобился, сел и стал писать...

Ближе к концу 1966-го я пошел на вечер, посвященный годовщине Великого Октября (а было мне тогда 17 лет, учился на первом курсе в Политехническом). Как-то не хотелось идти, но друзья вытащили.

В клубе Политехнического со сцены читали стихи, потом показывали какие-то мизансцены. Дошло дело и до танцев – их ждали с нетерпением. В то время самой популярной была музыка Битлз, а танцевали кроме танго и фокстрота – твист и шейк. Зазвучало танго и мои друзья разошлись в поисках партнерш. А я увидел ее.

Среди толпы для меня выделялась тоненькая фигурка на вид невзрачной девушки, но было в ней что-то потянувшее.

Когда бы заранее выработал в себе подобающее случаю нахальство, подойдя и получив согласие потанцевать, просто прижал бы к груди! Какое сладкое ощущение – прижатая грудь девушки, да еще когда она тебе так нравится! В мечтах, а на деле такое робкое прикосновение, от которого в груди сладко замирает.

– Как вас зовут?

– Валерия. А вас?

– Юра.

Познакомились. В конце танца спросил, можно ли Валерию проводить? Она согласилась. И началась зимняя сказка.

Когда был с ней рядом, то не всегда мог обратиться по имени. Валерия красивое имя, но обращаться далеко не всегда казалось удобным. А спросить, как можно называть еще, не догадывался. Впрочем, впереди оказалось всего четыре вечера. Но с тех пор на долгие-долгие годы улыбка Валерии светила мне!

Первый вечер почти прошел, когда оказались у дверей ее дома на Петроградской стороне. Она повернулась ко мне и предложила запомнить две чертовы дюжины: дом 13, квартира 13, улица Щорса. Заходи в гости!

Восхитительный низкий голос, ни у кого такого не слышал!

Я учился на вечернем отделении, и по утрам был на работе, а вечерами – в институте. Но не смог выдержать долго, и уже через пару дней часов в семь вечера (вместо института) устремился на Петроградскую. Валерия открыла, удивилась и обрадовалась. Пригласила войти. Стала знакомить с родителями. Старикам было лет по сорока.

Павел Семенович, видно, был постарше, белая шевелюра возвышалась над добро сощуренными глазами.

Эльза Иосифовна шурилась по-иному: оценивающе. Предложила садиться за стол. Стол накрыт для чаепития. Но я постеснялся. Позже понимал, что чего-то правильного не сделал, что надо было соглашаться и посидеть вместе за столом. Все смотрел на Валерию, просто не было предмета для глаз более притягательного. И она засобиралась, предложив пойти погулять.

Вскоре мы оказались в парке. Деревья укутались снегом. Ночная тьма местами разрывалась светом фонарей. Крупными хлопьями падал снег.

Мы шли и о чем-то переговаривались. Рассказывал обо всем: о пристрастии к Битлз, о занятиях культуризмом, о химии, о черчении. Валерия подхватывала – ведь оба учились. Только она – на дневном Энергомашиностроительного факультета, а я – на Радиоэлектроники. Поскольку недалеко отошла пора, когда оба были абитуриентами (а год был редкий в том плане, что поступали в институты два выпуска – после окончания одиннадцатилетки и после окончания десятилетки), много было сказано и про перипетии поступления в институт.

Прекрасная спутница узнала, что учусь на вечернем, и, казалось, была разочарована. Разговор от неловкости снова перешёл на музыку, и выяснилось, что Валерия училась игре на фортепиано. Потянула руку, и дальше не пошла учиться. Хотя играет дома, для себя. Я стал рассуждать о композиторах, высказавшись пренебрежительно о Моцарте. Валерия шутливо нахмурилась и заметила, чтоб я не трогал Баха – святое.

С тех именно пор к Баху отношусь с глубочайшим почтением. Впрочем, что я мог в то время знать о Моцарте и о Бахе, когда на музыку их едва обращал внимание. Классическую довольно часто транслировали по радио. Но мне хотелось Битлз!

После той прогулки мы с Валерией вернулись к ее дому, она подала мне руку, и мы расстались до следующего раза. Это была прогулка по ее любимым местам. Никогда и ни с кем прогулка не была такой сказочной!

При прощании было решено, что в следующий раз пойдем по моим любимым местам. По Васильевскому острову.

В принципе, неправильное решение – показывать Васильевский, которого я почти не знал. Живу с рожденья в Невском районе, вот там бы и надо было. Да и пригласить девушку к себе домой для того, чтобы познакомить с родителями – неплохая идея. Но в бестолковке все укладывалось в какой-то занудный порядок, и никак было ни на что не решиться. Ко всему меня преследовало чувство собственной неполноценности, а Валерия и знала больше, и чувствовала глубже. С нею я витал в небесах, а самостоятельно добираться туда невозможно.

Когда пришел к Валерии в следующий раз, добрались до начала Невского и отправились на автобусе на Васильевский. Сели на передние сиденья, но я засуетился и кому-то уступил место. Ошибка! Не нужно придавать такого веса правилу – уступать место старшим! Рядом девушка, видеть её было как дышать, соседство с ней было блаженством, разве можно давать понять, что замечаю, кроме нее, кого-то ещё?

Переехав Дворцовый мост, автобус остановился, а мы вышли. На противоположной стороне Невы светился купол Исаакия, а рядом, за спиной – были здания университета. Это примерно и все, что я знал о Васильевском. Но мне же хотелось покрасоваться любовью к великолепию!

Прошли годы, теперь ясно, что любимые места Леры как подарок, а мои так называемые любимые были мне едва знакомы, и это наверняка казалось обидным.

В парке на Петроградской стороне царило чудесное уединение. А на Университетской набережной ветрило, моя спутница поеживалась и предлагала куда-нибудь пойти. Но мне неведомо было в то время, куда можно отправиться от университета, поэтому я потянулся за сигаретами. Это не вызвало энтузиазма Валерии.

В общем, вместо того, чтобы попробовать отогреть губы милой, я решил погреть свои – сигаретой. Ошибки копились как снежный ком. Но вряд ли прекрасная моя спутница имела потребность лепить из них снежную бабу.

Мы, наконец, вернулись на Петроградскую. Расстались у парадного. В то время на экранах кинотеатров шел фильм, снятый по роману Харпера Ли «Убить пересмешника». Валерия хотела пойти посмотреть. Обещал достать билеты.

Билеты доставались трудно, а увидеться с Валерией очень хотелось, поэтому купил билеты в кинотеатр «Титан», где они ещё были. Зал этого кинотеатра, расположенного на перекрестке Невского и Литейного проспектов, вытянут, за что его называли пеналом. Места оказались не близкие, и можно было поискать варианты, однако меня снедало нетерпение.

Желанию поскорей увидеться позволил возобладать без размышлений, а зря. Гораздо важнее – обеспечить более комфортные условия, набраться терпения. Никогда не считал себя эгоистом, но если подумать, получится как раз, что я самый что ни на есть!

Когда появился в квартире, оказалось, что дома, кроме Валерии, никого нет. На улице мороз градусов 15, и прозвучало предложение в кино не ходить, остаться дома. Но я уперся, в кармане лежали накопленные 2 рубля, к ним – билеты в кино: ну, как же так, не пойти, когда билеты-то уже куплены! Валерия коротко посмотрела на меня и стала одевать пальто.

Поскольку времени до фильма было довольно, мы пошли к Литейному от начала Невского. Постоянно нужно было переходить пересекающие Невский улицы. И я с замиранием сердца стал придерживать любимую перед каждым перекрестком, обнимая за плечи. Подошли к кинотеатру почти вовремя, и времени, чтоб потратить жгущие карман 2 рубля, не оказалось.

Уселись. Валерия была по правую руку. Распахнула пальто, усаживаясь в кресло, и я увидел тонкие стройные ножки. Не было ничего восхитительнее: справа от меня сидела обладательница сокровища, и я готов был на нее молиться!

В те времена интеллигенция читала журнал «Иностранная литература», именно там и можно было найти роман Харпера Ли «Убить пересмешника». Не знаком. Много лет спустя купил книгу с этим романом, и читал сыну. Нам нравилось. Но это позже. А сейчас рядом сидела Валерия и я не смел взять ее руку. Впрочем, было осмелиться, но она стала что-то тихо обсуждать с женщиной лет сорока, сидящей справа от нее, и рука ускользнула.

Соседка справа отняла внимание девушки, в которую был влюблен! Уже несколько дней спустя я понимал, что не было ничего особенного в их беседе. Но в темноте перед сверкающим экраном свербило чувство несостоятельности: нечем мне было занять внимание девушки, но как хотелось личной притягательности! А собеседница интересней. Она как раз читала роман Харпера Ли, читала его и Валерия, им было что обсудить.

А я, когда фильм наконец закончился, идя рядом с Валерией и её случайной знакомой, стал говорить глупости: что американцы – империалисты, что у нас, русских, все гораздо серьезнее и основательнее, что вообще фильм – полная ерунда.

Последствия довольно просто угадать. Валерия коротко попрощалась с собеседницей (договорить я не давал). Повернулась и почти бегом устремилась к выходу из кинотеатра. Я заспешил следом.

С трудом удалось добраться в компании с Валерией до дверей ее дома. А затем она сказала, что все – до свидания! А как же следующая встреча? – спросил я. А ее не будет! – ответила она. Но, может быть, хоть когда-нибудь?

– Ну, давай приходи через два месяца!

Я увидел ее раньше, придя на очередной вечер в клуб Политехнического, где познакомился. Танцевать со мной Валерия отказывалась, хотя охотно шла с другими, в том числе с моими друзьями!

Конечно, я не догадался начать отсчет поставленного двухмесячного срока, полагая после той встречи в клубе, что испытания не выдержал. Пару лет спустя я случайно решил зайти к Валерии.

Она открыла дверь, а увидев меня, узнала и сказала обрадовано:

– Мама, смотри, кто пришел!

Однажды незадолго до той минуты, летом принес букетик фиалок и, поскольку дома, очевидно, никого не было, оставил воткнутым в замочную скважину. Там ждала записка: «Молодой человек, Лера уехала отдыхать в Одессу». Так я узнал, как можно обращаться к любимой.

Лера проводила меня к себе в комнату, куда надо было проходить через другую. Да, в квартире их две. В первой жили, видно, родители, а в другой – Лера. В ее комнате стояли пианино, диван, письменный стол и стул. Мы уселись на диван. И я стал рассказывать о том, что решил стать композитором.

Все как будто началось сначала, но было не так!

В один из вечеров Лера снова оказалась одна, когда я должен был зайти за библиотечной книгой, которую приносил почитать. За книгой в библиотеке Политехнического образовалась очередь. «Игра в бисер», автор – Герман Гессе.

А ведь я, идя к ней со своей кафедры, откуда ушел пораньше, зашел в баню, и был чистым. А в качестве символа имел в кармане пиджака яблоко. Однако и про яблоко, и про то, для чего помылся, не помнил.

Лера была одна. Сидела рядом подложив под себя ногу. И речь о том, что мне больше не надо приходить. Вообще-то, надо было говорить о замужестве, просто упасть на колени и сказать, что жить без нее не могу! Да жизни, почитай, и не было.

Без нее.

Вот и на это смелость нужна, чтоб стать на колени.

Много времени спустя мне пришла в голову простая мысль. Мысль о мужской состоятельности и о мужском ничтожестве. Так вот я ничтожество, но мысль эта в голову не шла.

Хотя, понятно, одно другому не мешает, но как-то само застряло в голове, что не крутые кулаки и не толстый кошелек – признак настоящего мужчины. А что тогда?

Кто бы ты ни был, не бойся! Отодвинь страх в сторону, заставь себя забыть о нем! Тогда ты – настоящий мужчина. Трусость – самое главное основание ничтожности. И ее нужно научиться распознавать и душить в себе! Ведь проще повернуться и уйти, и совсем не просто протянуть руку и коснуться колена любимой, наконец, подойти ближе и поцеловать!

Пришло время, и я занимался на пианино по три часа в день. Но композитором стать не довелось, для того не хватило веры в себя, одного таланта и даже абсолютного слуха недостаточно.

Шло время, дошло к защите диплома. Диплом инженера я получил. Наступила пора абсолютной пустоты ничегонеделания.

Чем не повод для визита к любимой, и я зашел в квартиру 13 в доме 13 по проспекту Щорса. Лера моим рассказам о том, как я защищал диплом, мило смеялась, и я рядом был совершенно счастлив. Пришла минута расставания, и я ушёл. В никуда...

Решено было отпраздновать окончание института в компании друзей. Родители мои уезжали на дачу. А я набрался храбрости и поехал к Лере. Дома ее не оказалось, оставил Эльзе Иосифовне записку для передачи с просьбой приехать на празднование. Лера позвонила вечером и сказала, что прийти не сможет.

День превратился из праздничного в траурный. Никак не мог дожидаться ухода гостей, а сразу после задумал наложить на себя руки, вскрыв вены. Настроение было подходящее, а кровь текла медленно. И когда стало противно, выбрался из ванной, замотал запястья бинтами, оделся и ушёл.

Июньской ночью на улице довольно тепло. Промаялся весь залитый Солнцем день по Ленинграду, не зная куда себя приткнуть. Потерял взятый зачем-то томик Александра Грина. Шатаюсь по городу, пытаюсь завязывать разговоры с девушками, не придавая их отчужденности значения и принимая как текущую мимо воду реки. Нева была рядом. А в середине

ночи оказался под окнами Лериной комнаты, где она спала на 4 этаже. И понял, что уйти не смогу. Дождался утра.

Часов в 7 из парадной вышла Лера и размашистым шагом устремила к метро. Окликнул и мы пошли рядом.

– Лера! Я люблю тебя!

Повторял эту фразу, почувствовав некое освобождение, все повторял и повторял: «Лера, я люблю тебя!»

А у неё наверняка была своя жизнь, и до меня не было дела. Почему так? – постоянно мучился я невысказанным вопросом. Да что там, я его даже подумать стеснялся!

Она уехала к себе на преддипломную практику, запретив себя провожать. Но, наверное, меня было жалко. Её «может быть» имело вид именно такой, и я не решился возвращаться к ней вечером. Тем более, возвращаться мне было некуда, потому что был несостоявшийся покойник.

Время набрякшей неопределенности заполнил суетными приготовлениями к поездке в Крым, где я до той поры не бывал. Ехали с друзьями.

Потом призвали в армию, оттуда не писал Лере, не хотел напрашиваться. Но так ли? Боялся не получить ответа?

Год прошел в предощущении, что после возвращения из армии все начнется сначала. Но для того, чтобы началось, нужно самому измениться! Надо было догадаться, как вытаскивать себя за волосы из болота, вместе с конем. Барон Мюнхгаузен – великий выдумщик!

Много позже забрезжило, что любовь – это не слова о любви, хотя и они, конечно, имеют огромную силу. Любовь – это способность рядом с любимой забыть себя, даже о своей любви забыть, а помнить только о дорогом тебе существе. Боюсь, я этого так и не понял. Любить – это не только дар божий, это труд души. Любовь не для бездельников...

Однажды показал Лере свое стихотворение, ей понравилось. Нам было по двадцать лет, и о любви ещё не сказано. Но, может быть, само случившееся много позже признание выглядело пустым?

Пустынных улиц одичалое молчанье
Милее мне шумливых площадей,
Дни зыбкие счастливых состояний
Обиднее иных несчастных дней.

Смеяться над заворожившим взглядом,
Сияньем синим радужных очей,
И не смеяться над пустой бравадой,
Тщеславием двусмысленных речей!

Удар судьбы – дурное воспитанье,

Несносен вид некусанных локтей!
И жалкий жребий прозябанья!
Что это жизнь? Где счастье в ней?

Ирония в дремоте стынет,
Ее не вытравишь уже,
Высоких помыслов громада схлынет
В своем невидном неглиже.

В жестокой суতোлке предсказаний
Наверно, я увязну? – не беда!
Ведь это лучше чувств блужданий,
Движений чьих проходит череда...

Сон разума рождает чудовищ – разве это не обо мне? Тот, кто не сохранил, не выпестовал свою любовь, разве может сказать, что жил? Он всю жизнь спит!

***

Мы в Советском Союзе, может быть, в массе своей были зашоренные. Об отношениях полов было почти под запретом – почти как снять брюки в Большом театре, находясь где-нибудь в фойе при большом скоплении народу. Но жизнь брала своё, люди любили друг друга, причем, не платонически.

Известно, кто хочет чего-то, находит средства, а кто не хочет, ищет оправдание. А так ли всё просто?

Однажды оказался в компании друзей двоюродного брата. Вкушали за столом водочку, вино, салаты, в общем, закусывали. Через одного сидели приглашенные друзьями девушки. Весело. И вот улучив момент я спрашиваю у брата: мол, как уломать красавицу?..

– Да как? – удивляется – Договариваться.

– Как договариваться?

– Ну, знаешь, а как ты писаешь в туалете – тоже инструкция нужна?

Разговор ничем не кончился, и я жил с неудовлетворенным любопытством. Это похоже на анекдот, тем не менее проблема стояла остро всегда: как уломать красавицу? В то время был в ходу анекдот про Сэма и Мэри.

Живут в Америке Сэм и Мэри. Сэму Мэри очень нравится, и он думает: «Одену-ка я нынче красные штаны. Мэри увидит, спросит, мол, а чего это ты так вырядился? Я отвечу: «Мэри! Брось париться, пойдем лучше переспим!» Но Мэри на штаны Сэма внимания ноль. И он думает: «Выкрашу своего пони как зебру. Мэри увидит и спросит: а что это у тебя не пони, а зебра? Скажу, брось ты, Мэри! Пойдем лучше переспим!» Но Мэри и на пони не обращает внимания. Тогда Сэм решает побриться наголо. Мэри смотрит на Сэма с сочувствием и говорит: «Да брось ты, Сэм! Пойдем лучше переспим!»

По существу, и юноша, и девушка озабочены одним. Только юноше по статусу положено проявлять инициативу. В самом деле, разве девушке дело – лезть целоваться к парню? Делай что-нибудь! Предлагай!

Что было делать Лере? Как она должна была себя вести? Открытым текстом: давай останемся дома, на улице холодно? Не дошло? Ладно! Идем в кино. А там ее незатейливый спутник затевает какой-то тупой разговор об американцах, вмешиваясь в разговор спутницы с соседкой, проявляя как минимум невоспитанность. А вообще-то это ханжество. С двумя рублями и билетами – чистое жлобство.

Не связалось? Прощай! Нет? Ну, тогда приходи через два месяца. Время! Оно лечит, оно проходит. Но само по себе не меняет людей. Наверное, меняют потрясения. Невозможно меняться, обретаясь в болоте самовлюбленности. Даже при том, что самому себе ты авторитетно объявляешь, что себя не любишь. Будто бы? Но романтично!

Мимолетности

В их кружке было всего семеро, и она всегда оказывалась генератором идей. Причем находила, чем восхищаться у друзей. Так ведь друзья замечательные!

Павел Зайченко – чудный гитарист. Нет, они не пели под гитару, находились иные дела, однако при случае могли и затянуть что-нибудь вроде «Вниз по реке» – на английском, само собой. Но чаще для них звучал Фердинанд Сор. Впрочем, классическая гитара в их компании заявлялась и таким, чего еще никто никогда не слышал. К примеру, Паша принес Виллу Лобоса, и они влюбились в эту божественную музыку.

Руки непринужденно порхали над грифом, глаза закрыты, и казалось, нет ничего проще, играть так. Музыка – душа Паши. Это его мимолетности, и он дарил музыку друзьям. Его обожали. Это праздник, когда Паша берёт гитару!

Абсолютный слух и на гитаре он может подобрать все, что слышал.

Таня тоже была музыкантшей. С раннего детства занималась на пианино. Инструмент занимает часть комнаты. Готовилась поступать в консерваторию, но перезанималась, руки стали непослушными, и от мысли посвятить себя служению Эвтерпе пришлось отказаться. Потом. А пока они славно проводили время в школе и после уроков.

***

Виктор Иванов высок, широк в плечах и мускулист. Занятия греблей наложили отпечаток. Этот паренек спокоен и миролюбив. Впрочем, если кому-нибудь со стороны приспичивало обидеть друга, миролюбие заканчивалось, а в драке победителем чаще оказывается Витя.

Разумеется, драки – редкость, и драться надо уметь. Не все, ясное дело, умели, но Витя – да, и когда нужно, дрался. С остервенением. Без слов. Будто выполнял работу. А после драки с удивлением созерцал дело рук своих, удивляясь: сколько всего случилось!

Александр Пермяк писал неплохие стихи. Их преподаватель по русскому и литературе прочила пареньку большой путь. Но путь впереди. Пока же Саша, всегда имея вид отрешенный, с рассеянной улыбкой взирал на друзей. И в голове рождаются слова, вплетаясь в кружево образов и рифм, это его мимолетности. Саша – это голова!

Володьку Смолина надо было послушать! Монолог – его блаженство. Может говорить о чем угодно, но скисает, когда не слушают. Однако тут же находит нового слушателя и снова, неугомонный, пускается выдумывать. Артист, как про него говорят. Юрий Никулин, да и только! Вовка привносит в компанию шум, оживление. Анекдот может даже выдумать, и все охотно смеются.

Каждый интересен, у каждого свой царек в голове и свои моменты счастья и радости. При этом Таню слушают беспрекословно. Так повелось. В их компании она главная. Вот Ваня Петухов, не имеет привычки сидеть без дела, всегда находит, что починить. А Петр Безухов –

их Пьер – неплохо рисует, и частенько пропадает на Неве с какой-нибудь акварелью. Нева, по его словам, никогда не бывает одинаковой, у Невы всякий день свое лицо, своя палитра!

***

Всемером они, как правило, отправлялись на Невский проспект или на Крестовский остров. В Питере всегда находятся уютные места. К примеру, малый зал филармонии или Капелла. Вот в Мариинку как-то не доводилось ходить часто. Район Новой Голландии в стороне от их Петроградской. Хотя никто не спорил, что в Коломне красиво, там проводится городская экскурсия «Мосты повисли над водами». Но Петроградская сторона в Ленинграде – почти то же, что и Москва для аборигенов. Как известно, гостю в Москве видно не все, Москва открыта только москвичам. Так и в Питере Петроградская сторона видна не всем, и даже не каждому коренному ленинградцу.

Денег у ребят водилось немного, и это не помеха. Из тех денег набирали и на билеты в кино, и на билеты в театр. Тогда, в шестидесятых, билеты были недорогими, всего несколько десятков копеек. А на обед в школу родителями выдавались каждому по полтиннику. Можно скопить.

В их компании никто не курил. Курить было модно, их одноклассники, бывало, курили. И деньги, кстати, тратили на табак и вино. Бутылка вина стоила раза в три-четыре дороже билета в театр. Таня с друзьями предпочитали театр. Со временем их компания обособилась, а посещение театров, кино, выставок и музеев стало неким ритуалом и предметом гордости.

Находилась чем заняться в городе и кроме походов в кино и театр. Много домов в Питере было под капитальный ремонт. Такой дом стоял долго без жильцов в том виде, который предстояло реставрировать. Попадались настоящие чертоги – как кусочек Эрмитажа. И друзья, зная каждый проходной двор, забредали в такой дворец и устраивали себе экскурсии.

Летом на Фонтанке, на Мойке и прочих доступных для проката лодок местах, всего за 30 копеек в час можно взять лодку и идти по воде! По обе стороны возникают и Казанский собор, и Спас на крови. Можно даже, пройдя по Лебяжьей канавке, выйти в Неву. Им доводилось ее пересекать.

Крупнотоннажные проходят в период развода мостов. В иное время по реке шастают прогулочные многоместные катера, на которых катаются влюблённые пары и прочий люд. Позже появились «Ракеты». Так что, переходить лодками Неву опасно. Да и неинтересно – самым примечательным был Заячий остров, а вокруг него протока.

По реке Мойке можно подгрести на Крюков канал и к самой Новой Голландии. Массивные красного кирпича полуразвалившиеся стены возвышаются над каналом, по которому идет лодка.

В Неве как всегда холодно и летом, но на Петропавловке пляж, и друзья часто купаются. А иной раз всем классом. И видится чуть вдалеке царственно парящая Стрелка Васильевского: Биржа, Ростральные колонны, Пушкинский дом.

Счастье мимолетно в дни, свободные от занятий в школе. Готовились к поступлению в институт. Они заканчивали 11-й класс, а рядом учились ребята в 10-м, который тоже был

выпускным. Так уж сложились обстоятельства в тот год, и конкурс в институтах ожидался большим.

Таня хотела поступать в консерваторию. Паша как будто не собирался подавать туда документы. Петухов думал про Военмех. Их Пьер, разумеется, грезил Мухой – Мухинским училищем живописи. Виктор решил идти в армию, а уж после нее решать с институтом. Сашина стезя сформировалась посещением Дня открытых дверей на филологическом университета. Смолин (в этом никто не сомневался) пойдет в театральный или в цирк.

Об относительности

Теория относительности Альберта Эйнштейна со времени своего появления все кружит и кружит мечтательные головы. Разогнаться до скорости света, встретить по возвращении со звезд пра-пра-правнуков и быть среди них ровесником – то-то здорово!

Но жизнь человека... В юности она представляется бесконечной. Время тянется так медленно, что хочется ускорить и даже убить! А ближе к старости, время ускоряется и летит с такой стремительностью, хочется сказать, чтоб попридержало.

Верно и то, что жизнь свою человек, конечно, в рамках отпущенных ему природой возможностей, создает сам. И в горе, и в моменты счастья. В этом плане он подлинный Творец.

Вы просыпаетесь утром, и первым делом решаете дилемму: делать ли зарядку или еще поспать? Далее умываетесь, завтракаете (если есть чем), идете или едете на службу (у кого она имеется). После работы снова выбор: надо решать, куда идти. Можно пойти в кино или занять время Интернетом.

В чём альтернатива? Скажем, пива попить с другом. Или даже водки – она, говорят, полезнее. Или, если достаточно молоды, можно сходить в клуб, потусить с ровесниками, познакомиться с милой девушкой. В общем, находится из чего выбирать. И в зависимости от выбора формируется жизнь. Каждый сам создаёт своё будущее.

Разве это не божий промысел – делать свою жизнь? А еще говорят, что она в движении. Вы двигаетесь куда-нибудь в своей жизни или предпочитаете плыть по течению?

Влюбленность

Думать о ней мог только с ощущением внутренней дрожи. Эта девушка, обладая прекрасными внешними данными, с годами, очевидно, становилась неприступнее.

Волосы были единственным на вид недостатком: редкие. Впрочем, эта особенность не казалась важной. Поражали огромные в пол лица глаза. Они были, как у него, карие. И улыбка огромная как океан. Она не согревала, но очаровывала.

Глубокое контральто добавляло притягательности образу. Пропал! Однако поначалу небо казалось в алмазах. До них нужно только дотянуться, но паренек совсем не спешил приблизиться. Все оставалось на завтра. А сегодня...

Вместе с укоренившимся разгильдяйством, он человек основательный. Все, за что берется, предпочитает делать качественно и до конца. Дела незавершенные, хотя их и скапливается немерено, не любит. Даже вспоминать о них дело тяжкое. Тянут куда-то, не позволяя заниматься текучкой.

Планировать не умеет. Много в жизни пускается на самотек. И удаётся далеко не все. Однако осознание всё не приходило. И жизнь протекала, будто в тени.

Дам имена для определенности. Итак, она звалась Татьяна. А он, по традиции, введенной Александром Сергеевичем, – Евгений. Выходит парадокс, потому, что те герои на моих совершенно не похожи. И ситуация – обратная. Впрочем, судите сами.

Женя влюбился с первого взгляда, а увидел Таню в клубе на танцах. В клуб попал, явившись туда за компанию с друзьями. Это был их первый выход в свет после сдачи последнего экзамена первой сессии.

Девушка стоит особняком, и после объявления танцев публика рассредоточивается, а парни устремляются к выбранным партнершам.

Она стояла одиноко, ее пока никто не выбрал, и Женя поспешил.

Заиграло танго, и они закружились. Выяснил, что зовут Татьяной. Не забыл сообщить, что его – Евгений. И тут же спросил, можно ли будет проводить до дома? Получив согласие и в связи с тем, что музыка закончилась, поклонился, отпуская девушку. Она скромно отошла к тому месту, откуда началось их знакомство.

Таню стали приглашать другие ребята. А Женя, когда, наконец, ему тоже достался танец, спросил, не забыла ли она, что провожает ее он? Девушка засмеялась и сказала, что не забыла. А Женя в первый раз увидел её улыбку и поразился.

Девушка небесной красоты. Просто вначале казалась невзрачной. Но улыбка сделала её королевой!

Оказавшись вдвоем, когда праздник в клубе закончился, они постояли несколько минут в ожидании трамвая. Время в обществе Тани текло незаметно. Женя буквально не успевал

опомниться, как некий период уже оказывался в прошлом. Ну да, тот самый праздник, который всегда с тобой!

Просто и легко летело время, вот они уже у парадного ее дома. Нужно прощаться. Таня улыбнулась, протянула руку, которую Женя, будто походя, пожал:

– Заходи в гости: дом 13 квартира 13 – две чертовы дюжины, никак не спутаешь!

Они перешли на «ты» в попутном разговоре, и первой была Таня. Он не догадался руку поцеловать. А больше она и не протягивала, так уж получалось.

Женя явился через день вечером. Таня обрадовалась, предложила скинуть пальто (была поздняя осень) и проходить в комнату. Там к чаепитию был накрыт стол. На столе, застеленном скатертью, леденцы в бумажных обертках, сахарница, чайник заварной и чайник с кипятком.

Навстречу Жене поднялись миловидная женщина и, очевидно, ее муж – мужчина убежденный сединой. Женю представили Настасье Аркадьевне и Ивану Федоровичу. Тут же пригласили к чаю. Но Жене было не до чая. Сверлит глазами свою новую знакомую. И Таня засобиралась на прогулку.

На улице редкими крупными хлопьями падал снег. Оказавшись в парке, пошли по его аллеям. Женя просто купался в этой роскоши, бесперечь болтая о себе и об институтских делах. Тане было интересно, и она тоже временами вставляла замечания.

Гуляли больше двух часов. У Таниной парадной прощались. Женя даже не пытался поцеловать свою прекрасную спутницу, усвоив, что целоваться с девушкой после второй встречи моветон. Да он и не целовался еще ни с кем, кроме мамы. 17 лет от роду – всего на всего.

Договорились, что в следующий раз отправятся к Жениным любимым местам. Но раз что Жене нетерпелось увидаться поскорей, через день он снова оказался дверей Таниной квартиры. На звонок она открыла сама. В глубине – родители. Мельком поздоровались, и уже не стали приглашать к столу, а Таня вскоре оказалась в пальто и готова к выходу.

После визита Жени Настасья Аркадьевна расспросила дочь о ее новом знакомом. Таня рассказала. Хотя, в сущности, рассказывать-то нечего. Настасья Аркадьевна видела, что паренек, не отводящий взоров от Тани, влюблен. Но это не главное.

Ей бросилось в глаза невнимание к родителям девушки. Плохо воспитан? И что-то странное было в отказе сестры за общий стол и выпить с ними чаю. Конечно, квартира скромная, достатка почти никакого. Как у многих в Питере в начале шестидесятых.

Настасья Аркадьевна была женщиной видной, роста чуть выше среднего, и для своих сорока необыкновенно стройной, с гордо посаженной головой. Собственно, так держалась и дочь. И они всегда друг с другом были откровенны и дружны. Настасья Аркадьевна смотрела на Таню задумчиво. Они сидели за их столом в гостиной и разговаривали о Жене.

– Знаешь, Таня, у этого молодого человека ветер в голове. Он же себя не помнит. Тебе это надо? Мне кажется, с ним будет неуютно. Всем сквознякам будете открыты. Таким мужчинам

не важно, что ты и где, им важно, что они чувствуют, и каково им. Он же прямо таки поглощен своим чувством и своими мироощущениями!

– Ну, мама!..

– Ты не перебивай, слушай! Ладно, гуляй себе, но годы твои уже вполне подходящие для замужества: уже восемнадцать лет. Конечно, не к спеху, замуж можно выскочить и в двадцать пять и даже в тридцать. Но важно, чтобы дети чувствовали защиту, чтоб они были счастливы, понимаешь?

– Да я уже и не знаю, как-то скучно с ним становится.

Настасья Аркадьевна усмехнулась:

– Что, зачастил? И когда теперь придет?

– Завтра обещал принести билеты в кино.

– Пойдешь? Но ведь холодно, на улице мороз. Может, просто дома посидите? А мы с отцом уйдем?

Фильм «Убить пересмешника» по тем временам примечательный, и билетов в кинотеатры как корова языком. Однако Жене удалось достать. Правда, кинотеатр, хоть и в центре города и сравнительно недалеко от дома Тани, но с залом, вытянутым, да и места достались неблизкие. Впрочем, не такие уж далекие от экрана, потому целоваться там скорей всего не принято. Об этом Женя думал не без облегчения. Третья встреча, без поцелуев уже ощущалось неудобство. Правда, не осознавалось. К тому же, по дороге в кинотеатр они шли пешком, и временами он ласково обнимал спутницу при переходе перекрестка.

Пришёл заранее, часа за полтора до начала фильма. Побродил около парадной и все-таки поднялся на Танин этаж, нажав кнопку звонка.

Она открыла почти сразу. И Женя с пол-оборота:

– Добрый вечер! Билеты достал, правда, не очень удобные...

– Послушай, может, не пойдем? На улице холодно.

– Как это не пойдем? А билеты?

– Просто дома посидим?..

– Нет, билеты же куплены. Их почти нет в городе, разобрали! Когда еще в другой раз?..

Таня вздохнула и стала собираться.

Накануне к ней начал набиваться в знакомые один невзрачного росточка парень. Наглый на удивление! Марк!

Разлетелся к ней, словно капер – на всех парусах. И, как и всякий уважающий себя пират, сразу на abordаж – поцеловал! Таня в последний момент попробовала уклониться, и потому поцелуй получился смазанный, в щечку. А Марк засмеялся и, бросив: «Пока!» – увистал.

И теперь, сидя рядом с Женей в кинотеатре, Таня думала о Марке, о своем вдруг вспыхнувшим чувстве. Его поцелуй был приятен. И это на фоне того, что нынешний сосед сидел смирно, ни на что не желал решаться!

Так вот к концу фильма Женя стал ей неприятен, она после окончания поднялась и устремилась к выходу, бросив Жене, чтоб он не провожал. Но тот не отставал. Так и дошли до ее дома, пешком.

Расстались, наконец, когда Женя, такой зануда, настоял на встрече. Правда, Таня поставила условие: через два месяца. (Ну, зачастил же!).

Имя у нахала было странное и удивительно редкое! А как его зовут уменьшительно-ласкательно? Впрочем, Таня не стала долго размышлять, задав вопрос напрямую при следующей встрече.

– Можешь звать Маркуша. А имени Марик терпеть не могу!

– А Марь, как тебе нравится Марь?

– Ась? Можешь Марем, – засмеялся в ответ Марь, они встретились во второй раз. А Марк искал встречи. Таня привлекала низким контральто. Не увидев пигалицы, подумал бы, что говорит двадцатипятилетняя!

При встрече с ее родителями Марк совершенно обаял Настасью Аркадьевну. И чай с конфетками попили, и разговорились обо всем! Так что, когда Таня с Марком условились встретиться у Тани дома через неделю, им, как и Жене с Таней, предоставили эту маленькую двухкомнатную в полное распоряжение: родителей в тот вечер тоже не оказалось дома.

Так Таня и Марь стали любовниками. Марь придумывал все новые и новые развлечения для подружки. Они стали завсегдатаями ресторанов – у Марка водились деньги. Выставки, театры, даже однажды сходили на ипподром. Институт забывался!

Но их счастье длилось всего несколько месяцев. А потом Марь куда-то исчез, объявив Татьяне, что счастья много не бывает, что пора и честь знать, что ему надо...

Не стала слушать, чего ему там надо, повернулась и убежала, задавив в себе чувство, заставив себя порвать с этим типом!

Да, Марь не мог позволить ей быть первой. Может, именно поэтому он и порвал с ней? Как же, рядом с его мнением иное существовать не имело права! Собственно, с какой это стати он? Это она, Татьяна первая с ним порвала!

А какой был сверкающий на все стороны света роман! На фоне этого всего невзрачной тенью промелькнула случайная встреча с Женей. Ей становилось понятно, что он не менялся, а таким был не нужен. Совершенно!

Счастье

Уж год, как они расстались с Марком. Быльем поросло. И все же известие о его гибели неприятно поразило, и неисчезающей болью застряло в сердце. Появление Жени было воспринято подарком судьбы. Обрадовавшись, Таня с порога крикнула в глубину квартиры:

– Мама! Смотри, кто пришел!..

Настасья Аркадьевна выглянула в прихожую и улыбнулась гостю:

– Здравствуйте, Женя!

– Здравсте! – Женя засмутился, не мог вспомнить, как зовут Танину маму.

Оставив пальто на вешалке, он прошел, повинувшись приглашающему жесту, вслед за Таней в ее комнату. На комодѣ стоял проигрыватель грампластинок. Таня подошла, подняла крышку и, взяв со стола конверт, достала пластинку. Зазвучала песня в исполнении Эллы Фитцджеральд. Таня улыбалась, от восторга слегка закатывая глаза.

Искала понимания, но Женя никак не отреагировал. Это неприятно задело. Заметила гостю, что пластинку привез из Англии друг. Женя тут же предложил принести пластинку с музыкой Баха. Знал, что Бах – кумир Тани. До-минорный концерт в исполнении Глена Гульда. Восхитительная вещь!

Так была определена тема следующего появления Жени. В иные места она его не звала. А ему на приглашение в театр или кино денег не хватало. Впрочем, Таня ничего и не ждала. И если после первой встречи не всё было ясно, то теперь при прощании она почувствовала скуку. Реакция на его появление отныне стала напоминать оскомину.

Так бывает. Люди разные, и когда еще не знакомы, способны воспринимать один другого с симпатией. Но человека, поглощенного самим собою и своими ощущениями, невозможно принимать как своего. Он, если начинает настаивать на своем «праве» быть в центре внимания, становится неприятен.

Хотя, по сути, Женя был ничем не хуже ее друзей, он даже с Марком мог бы сравниться в определенном смысле.

Но нет, только не с Марком! Тот был личностью, а Женя – тюфяк. Самовлюбленный.

Соображения об сто грамм вина и об экономии были написаны у Жени на физиономии. А Таня уже умела читать лица, будто перед ней раскрытая книга. Эта – на самом неинтересном месте, которое естественно хотелось пролистнуть.

Но Женя, видно, не понимал, а говорить, объяснять Таня постеснялась, решив пустить дело на самотек, чтоб со временем само решилось. Но не решалось, и Женя всякий раз находил предлог для визита.

Кстати, в один из его визитов Таня оказалась дома одна. Был тихий зимний вечер. Женя пришел за книжкой, которую взял в библиотеке специально для нее. Книжку нужно было вернуть, Таня настаивала. Хотя для Жени этот момент не имел значения, ему важно было, понятное дело, быть рядом. Казалось именно так: именно ему было важно. И не столь существенно, что именно важно ей, Тане.

Что ж, они были наедине. Родителей не было дома. И Таня даже попыталась слегка подтолкнуть разговор, определив более-менее фривольную тему, сформировав фразой: «а ты хочешь?» Однако собеседник как прежде был увлечен своей речью. Он даже парочку анекдотов умудрился рассказать. Но реакции на сакраментальные слова о желании не проявил. Хотя Таня видела, что ему хочется этого счастья вдвоём, что он понял, что они дошли. Но – не осмеливался!

Прощаясь в тот раз, Таня заметила:

– Не приходи больше, хорошо?

– Ладно, – хмурился Женя, – а как ты смотришь на замужество?

Таня улыбнулась, помотала головой отрицательно и сказала, стоя перед распахнутой дверью:

– Будь счастлив!

Улыбка ее была чарующей. Как подарок. Но у Евгения сложилось впечатление, что подарок оставался с ней, а он, оказываясь за порогом, тем самым терял не только подарок, но вообще всё!

Улыбка! Или оскал? Он не искал сравнений. Для него улыбка Тани занимала весь мир! И Женя напился.

Но разве водка может заменить улыбку любимой? Убедился, что нет? Будешь пить еще? Пить? Еще? Наливай!

И это жизнь? Сон разума рождает чудовищ. Дай волю разуму, и жизнь станет свободной. Разум придает движение. Он освобождает для движения. Таня никогда не оборачивалась назад. Для нее пройденное оставалось позади, и важно только то, что ждёт в будущем. Женя – реликт. А реликту место в музее.

Жизнь протекала в повседневных заботах. Нужно ходить в институт – Таня все-таки поступила после окончания школы на Энергомашиностроительный факультет. Ничем не хуже остальных факультетов – уж раз не консерватория, то пусть Политехнический. Она училась наравне со всеми, сдавая сессии и переходя с курса на курс.

Романы случались, разумеется. С доцентиком познакомились на танцах в клубе, и он побывал пару раз у нее в гостях. Но силы удержать девушку у доцента не оказалось, и они расстались. И то спасибо, что не стал настаивать на продолжении. Получил свое? Доволен? А вот она – нет. До свидания!

Ее друзья, их школьный кружок, их великолепная семерка время от времени освещали душу теплом и уютом. Но ей хотелось настоящего счастья вдвоём. Никто из ухажеров этого не видел, не понимал.

Она находилась в свободном полете. А мужики? Было дело даже, один товарищ пустился ради ее благосклонности на авантюру: забрался к ней в окно по водосточной трубе!

– Ты как сюда попал? – спросила спросонья Таня.

И смех и страх, но все же разгоревшийся скандал не дал нашему герою насладиться вполне прелестью Тани в ночной рубашке. Так что он благополучно и с очевидным родительским торжеством выдворен прочь!

Время шло, дело к дипломному проекту, оставалось учебы полгода. Именно в это лето Женя объявился снова. Он не оставлял надежд, и пришел сразу после защиты своей дипломной работы. Поговорили о защите. Таня порадовалась за него, и они расстались. Однако через пару дней Женя появился опять. Дома оказалась только Настасья Аркадьевна, и он оставил записку с приглашением прийти в гости ради празднования окончания института: будут друзья, ожидается изобильное застолье.

Таня позвонила и сообщила Жене, что прийти не сможет... Как бы она ни относилась к миру, как бы по-доброму не смотрела на Женю, они не становились близки. Стали посторонними?

Утром Таня, как обычно, собралась и отправилась к месту преддипломной практики – это была теперь ее служба. Выйдя из дома, заспешила к метро. Окликнула:

Женя! Видно было, что ночь провел без сна. Запястья небрежно обмотаны бинтами.

– Таня! Я люблю тебя!..

Неожиданное признание. Он все же решился! Она не могла скрыть, что сюрприз был приятным. А спутник все повторял: «Я люблю тебя! Я люблю тебя! Я люблю тебя!» – было видно, что сказать более нечего.

Так они оказались рядом в метро. Ясно, Женя намеревается проводить к месту работы, а этого Тане не хотелось! Но что делать? Что дальше? – этот вопрос уже повис в воздухе. И она сказала: «может быть». Наверное, сказала из жалости и чтоб только отвязаться. И он исчез...

***

– Позвольте представиться? – привлек однажды внимание молодой мужчина, по виду старше лет на десять.

Ее нового знакомого звали Женя. Женя второй?

Ей приходилось добираться до места службы в пригород Ленинграда, в Гатчину. Там жил и новый знакомый. В квартире на четвертом последнем этаже. Он был один! Но как ему досталось такое богатство, было, в сущности, не важно!

Красавец-мужчина: высокий, стройный с пышной шевелюрой. Они были прекрасной парой, дополняющими друг друга, счастье было предопределено. Но у Тани чувство, что имеет дело с бабником. Наверняка так и есть. Новый Женя за плечами оставил не одну победу.

***

Вот еще Женя, прежний Женя, объявился со своим таким жгучим, таким отчаянным признанием! Объявился и пропал! Но ведь так бывало и раньше: пропадал и возвращался.

А жизнь не стоит на месте. Она в движении. С новым Женей они стали встречаться, разумеется, в его квартире. Удобно, до работы Тане – всего четверть часа пешком.

Летом ей исполнилось 25! Тем не менее, она не торопилась замуж, да и ее новый знакомый не спешил. Они испытывали кайф вдвоём, и пока достаточно.

Спустя год, в канун Нового года появился Женя первый – из армии. Был там, ни словечка не написал, и объявился! Как же, застолбил местечко своим признанием в любви? Невозможно отказать солдату, тем более, что отец всю войну прошел, и солдат в их доме – святое.

С новым Женей связь пришлось на время прекратить. Но с Женей, который явился из армии, было по-прежнему скучно. Что поделаться-то? Он, как и прежде, нуждался. Но дело было не в нужде и не в деньгах, а в сугубом неприятии человека. Да, именно он, Женя НЕ НУЖЕН.

Он приходил раз за разом омрачая своим неудовлетворенным чувством их быт. А ее старики в это время были за дверью – комнаты смежные. В общем, когда Женя первый в очередной раз стал фордыбачить, заявив, что, ах так – он больше не придет! – Таня с радостным чувством в душе, но с сомнением спросила:

– Так не придешь?

– Нет, уже, видимо, не приду, – мрачно заметил Женя. Поднялся с тахты, проходя через комнату, где находились родители Тани, сказал «до свиданья!» – и вот Женя с Таней друг напротив друга прощаются в прихожей.

Всё?

Таня заставила себя поверить, что он не вернется.

Кто-то скажет, мол, лучше врозь для этой пары. А чем лучше-то? И кому? Что стоило Татьяне позволить Жене хотя бы иногда быть с нею рядом? Ведь речь не о флирте или случайном сексе, речь о любви. Почему не позволить ей существовать рядом? Из страха? Из соболезнования? Любовь – не хладный труп и не убийца с приготовленным ножом, или любви нужно опасаться?

Дальше была свадьба. И на свадьбу Женю первого не пригласили. Он выпрыгнул однажды из окна, оказался с переломами в больнице, с тех пор живёт с больными ногами. Но что стоило

Тане пригласить его на свадьбу? Кто знает, на свадьбе первому Жене стало бы всё ясно, и он избавился от тяжкого бремени неразделённого чувства! Так ли?

Ты мой восторг, моё мученье...

Да, решившись написать первую главу, дал себе волю писать и дальше. До завершения было далеко.

«В череде очерков пройдет перед Вами, уважаемый читатель – моя жизнь. С юности. Имена могут оказаться случайными. Ничего обидного я, уверен, не написал. Всем моим персонажам с легкой душой желаю благоденствия и счастья!»

VOUS MON RAVISSEMENT, MON TOURMENT!

Каких-нибудь несколько лет назад казалось, что вспомню без труда что угодно из своей жизни. Но нынче почему-то прошедшее начинает затуманиваться. И если раньше с легкостью соотносились различные события ушедшего, сейчас они путаются.

Начну с ранних лет, когда у девочек были интересны глаза и прически.

Забавно: в юности обращаешь внимание именно на глаза, выражение лиц, а чем старше становишься, тем более опускается взгляд, и наступает время, когда больше интересуют ножки. А что в тех ножках, когда глаза интересней стократ?

В конце 50-х мы жили большим семейством на проспекте Обуховской обороны в доме 75 в квартире 13 на 5 этаже. Тогда как-то бегалось просто и легко, а время ребята проводили на улице. Там бывала большущая угольная куча (уголь для котельной). И появлялось развлечение: забраться на самую верхотуру. А оттуда спускались, усевшись на пятую точку. Вряд ли у родителей такие забавы вызвали радость, но не запомнилось, как ругали.

В начальном школьном возрасте меня показывали музыканту, он нашел абсолютный слух. Советовал развивать. Об этих словах я узнал только спустя десяток лет, рассказала мама. А в то время меня спросили – что покупать: пианино или аккордеон?

Стараясь судить здраво, я признавал, во-первых, что нас в трехкомнатной квартире 11 человек, что пианино, пожалуй, будет лишним. А аккордеон на пике популярности и, к тому же, дешевле.

Вначале педагог приходил к нам домой, но вскоре я был определен в клуб при Пролетарском заводе. Клуб в четырех трамвайных остановках. Меня часто сопровождал дедушка, поскольку аккордеон тяжел.

В клубе занятия шли веселее. Нас было человек 15—20, играющих на баянах и аккордеонах. Уже после первых месяцев учебы составлялись когда квартетом, а когда и сводным оркестром.

Игра в оркестре – дело увлекательное. Мы чувствовали себя профессионалами. А учитель Равиль Алексеевич, выступая в качестве дирижера, заставлял следить за темпами. Но оркестр все-таки частенько «загонял» венгерский танец №5 Брамса. Перед выступлением договаривались, что в случае, когда темп исполнения безнадежно ускоряется, дирижер делает знак остановиться.

Не всегда дирижировал учитель, иной раз дирижерская палочка оказывалась в руках одного из старших учеников.

Были в клубе и танцоры. Мне помнится один эпизод. Володя Гроссман в венгерке и красивых сапожках подошел ко мне, лихо щелкнул сапогами и что-то про венгерские танцы сказал. Не помню, что именно, но никак забыть не могу выражения тепла и дружества, которыми лучился этот чудесный юноша!

Прошло несколько лет, и занятиям на аккордеоне я по заведенной привычке отдавал в день не более четверти часа. Так многие мои товарищи делали. А когда проучился уже лет семь, и предстояло сдавать экзамены по окончании восьмилетки, объявил родителям, что возня с аккордеоном заканчивается. Меня поддержал папа, но было решено бросать не сразу, а после музыкального экзамена.

Нужно было подготовить «Романс» Петра Ильича Чайковского. Папа просил не подкачать, и я взялся за разучивание.

До того момента процесс состоял в проигрывании с листа, потом еще пару раз – и запоминалось. Но романс Чайковского вызывал какие-то смутные ассоциации. После очередного отыгрыша хотелось сыграть в другой раз, меняя нюансировку. И я оставался недоволен результатом.

Так до самого экзамена промаялся. Получил «5».

Праздник, конечно. И мы с моим дружкой по аккордеонической части пошли в туалет покурить. Тогда курение табака было для нас делом запретным. Но мы чувствовали такие мощные крылья, что решили процесс курения усугубить обращением с матерными выражениями. Минуты две, наверное, мы входили во вкус, а потом заметили, что на нас с пристальностью огромными от изумления глазами смотрит неведомо как оказавшийся рядом Равиль Алексеевич.

Немая сцена!

Естественно, учитель пригласил нас в комнату для репетиций и объявил, что ни в коем случае не станет держать случившееся в секрете от родителей, которых и попросил вызвать.

Курение, сквернословие – и все это у сына! Отец ходил из угла в угол, в бешенстве размахивая руками, за окном редкими звонками ему вторили трамваи, мама пробовала успокоить, но вдруг поняла, что перед ней сын, допустивший практически преступление. «За что? Скажи за что ты нас? Почему ты такой?» – спрашивала меня, падая на диван.

Я каждую минуту стремился проводить на улице. А родители работали много, и дома оказывались нечасто. Папа, к тому же, учился на вечернем отделении Военмеха. В общем, дитя было без должного надзора. Однако детей в нашей семье любят.

Однажды, когда уже заканчивали восьмилетку, наша классная предложила на праздник Победы сходить в поход. Мы отправились, причем, я захватил с собой футляр с аккордеоном.

Подобрать любую мелодию на слух было делом привычным, а ребятам нравилось напевать под аккомпанемент. Несли аккордеон поочередно. На остановках я играл.

При переходе из восьмого в девятый класс надо было выбирать школу. Выбрали родители. Школа была ближе к дому, к тому же, профилированная, с математическим уклоном. Но я-то стремился попасть в ту, куда пошли большинством ребята из нашего восьмого класса! Вышел небольшой скандал. Но поступить вопреки отцу не смог.

Впрочем, родители были правы.

В 1965 году на экранах кинотеатров появился замечательный фильм про ученых «Иду на грозу». Это был год, когда приходилось выбирать, в какой именно институт пойдешь. Передо мной стояла дилемма: или Театральный, или Политехнический. Политехнический – потому, что на день открытых дверей в этот институт собирались мои друзья: Юра Алексеев и Леня Разумов. Они-то были медалистами, а я обычный. И хотя по математике и химии у меня были твердые пятерки, пятерка была и по русскому и литературе, остальное тонуло в тройках.

Гений Даниила Гранина и прекрасная игра актеров в фильме тянули в обе стороны. Для решения сомнений пошел в драмкружок городского дворца пионеров. Там некто в сумеречной зале предложил прочесть что-нибудь. Что я знал наизусть? Конечно, из школьной программы что-то. После моего чтения слушатель от драмкружка покачал головой и объявил, что у меня решительно никаких данных! И это в первый раз повернуло судьбу в сторону от призвания.

В год, когда мы заканчивали школу, предстояло выдержать двойной конкурс в сравнении с тем, который бывал в ВУЗах до той поры. Мы заканчивали десятилетку, а рядом с нами подавали документы на поступление те ребята, которым пришлось учиться одиннадцать лет.

Готовились сами, речи о репетиторе тогда практически не было. Моя уверенность в знаниях математики была стопроцентной. Первый экзамен – письменная математика. Написав и сдав работу, я не сомневался в пятерке, ну, в крайнем случае – четверка была обеспечена. Но на следующий день обнаружил себя в списке двоечников!

Как разбираться, я не представлял. Зато была альтернатива при наличии ажиотажа – сразу перевести документы на вечернее отделение.

Казалось, конкурс был даже на подачу документов, важно было не прозевать. И я поспешил. Вскоре, не добрав нужного количества баллов, туда же перевел документы и Юра Алексеев. В случае зачисления на вечерний факультет, мы могли после окончания второго курса перевестись на дневное отделение, с понижением курса. Юра так и поступил. А меня ждали приключения.

На вечерний факультет мы с Юрой поступили легко. Из 25 возможных у меня лично было 24 балла. Причем, одного балла не добирал экзамен по непрофильной химии, остальные были сданы на пятерки. Удивительно, но Юрка набрал точно такой же балл.

Предстояло устраиваться на работу. Поступил лаборантом при кабинете физики в одну из ленинградских школ. Начались трудовые будни. Утром – в кабинет физики, вечером – в институт. Вся жизнь проходила в поездках, Политехнический – на другом конце города. Это

больше 20 км, да при том, что на метро только две станции: от Московского вокзала до Финляндского. Остаток пути преодолевался наземным транспортом. Это была песня!

Первую сессию сдал на пятерки. Ведь нам предстояло переводиться на дневное, а с тройками перевестись невозможно.

Неудачная история с Валерией осложняла жизнь, конечно, но учебы не коснулась. Мы были в одном ВУЗе. Факультеты разные, и мне все казалось, что она где-то рядом, и неловко от того, что ее не замечаю.

Вторая сессия сдана с успехом. Летом укатил на Черное море, где был с Володией – двоюродным братом – с недельку, а потом решил съездить к деду в станицу Марьинскую на Ставрополье. Дедушка Семен обрадовался. Хотя я был молодой здоровый остопоп, он не позволял делать что-либо, кроме как рвать малину или съездить на велосипеде за хлебом. Хлеб там белый, вкуснящий. А яблоки страшно дешевые, их отдавали перекупщикам почти даром, ведро – за десяток-другой копеек.

Станица Марьинская в полусотне километров от Пятигорска. Регулярно курсирующий автобус позволял совершать наезды. В ясную погоду Эльбрус в Пятигорске виден розовой дельтой на горизонте. Все города края в пределах досягаемости, билеты продавались за копейки, и можно было в один день оказаться и в Минводах, и в Кисловодске.

Осенью снова Политехнический. Сессия сдалась на отлично. Наступила пора каникул. В Новый год абсолютно нечего делать, и я стал ходить в кинотеатр. Во всех кинотеатрах показывали одну и ту же кинокартину, не надо было далеко ехать, потому что кинотеатр «Спутник» рядом с бывшей школой, всего в пяти остановках на автобусе.

Тогда студенческая карточка на все виды транспорта стоила три рубля. Она всегда была в кармане, давая свободу перемещаться в любой район города.

Поехал к Володарскому мосту, а в кинотеатрах шел замечательный фильм «Я вас любил... или сочинение на вольную тему». Светлый такой фильм. Но я не собирался смотреть его второй раз.

Скучно дома. Кино что ли посмотреть? Поехал к «Спутнику», а там та же картина: «Я вас любил... или сочинение на вольную тему». Ладно! Что делать? Взял билет, благо билет по 25 копеек, и пошел второй раз.

Смотрел вполглаза. Потом стал следить за музыкальным развитием действия. И этот фильм стал надолго светочем, почти наркотиком. Довлело и то обстоятельство, что Валерия была музыкантшей, любит классику, Баха. Как-то все не доходило до посещения филармонии или Капеллы – честно признаться, лень и боязно. А в кино – чудная музыка балетов Петра Ильича!

Гостиный двор, не чета нынешнему, был в конце 60-х демократичен, доступен и прост. На углу Невского и Перинной на первом этаже отдел грампластинок. В нем подолгу продавались одни и те же, но, как вскоре для меня выяснилось, все-таки шедевры.

Сумок через плечо не встречалось, так что по городу передвигался, имея в руке портфель достаточно вместительный для учебников и тетрадок – места хватало и пластинкам. Захожу как-то раз в Гостиный двор, и нахожу этот музыкальный клондайк. С тех пор тот рубль, который определялся на обед, уходил на покупку пластинок.

Проигрывателя дома нет, только магнитофон, купленный мамой в подарок за окончание первого курса. И я ходил через дорогу в квартиру двоюродного брата Миши – он давал мне ключи, там была радиола, и можно слушать музыку, находясь в одиночестве!

Первой пластинкой оказалась с подборкой сцен из балета «Спящая красавица».

В нотном магазине рядом с Домом книги можно купить из собрания сочинений Петра Ильича Чайковского любую книгу. Чайковский был блестящим музыкальным критиком. Я стал читать из того собрания. У Чайковского часто встречались похвальные отзывы о музыке Вольфганга Моцарта.

Правда, в моей коллекции ко времени приобретения альбома с тремя пластинками симфоний Моцарта была уже Первая симфония Петра Ильича. До сих пор не нашел ничего столь чарующего!

А вот симфонии Вольфганга Теодора Амадея Моцарта были все на одно лицо! Как так? Чайковский ими восторгается, а у меня вызывают недоумение?

И я стал слушать одну и ту же симфонию подряд два, три, четыре раза. И... влюбился! Нет, теперь невозможно спутать 25-ю соль-минорную симфонию с такой же 40-й!

Я курсировал по Ленинграду, и вот у Гостиного двора на остановке троллейбуса увидел Виолетту Хуснулову. Исполнительницу главной роли в магическом фильме «Я вас любил». Виолетта стояла в компании с одной девушкой. Направлялись, как выяснилось, к Московскому вокзалу.

Кто не смотрел фильма «Я вас любил... или сочинение на вольную тему», много потерял! Рекомендую! Хотя фильм отнесен к разряду для детей и юношества, лично на меня фильм оказывает действие магическое!

Виолетта снималась еще в одном фильме той поры, он о Мариусе Петипа и называется «Третья молодость». У девочки пронзительно синие глаза. Конечно, у каждого свой эталон красоты, но для меня она именно пронзительно красива.

Увязался следом, и скоро мы с Виолеттой ехали в электричке, она жила рядом со станцией Фарфоровский пост. Дом был в каких-то четырех километрах от моего, правда, по прямой. Виолетта всю дорогу старалась избавиться от моего присутствия. Но я таки проводил ее до дверей дома.

Ухаживание за балериной – дело непростое. У меня так и не получилось. Хотя в то время на несколько месяцев я, наверное, стал достопримечательностью улицы Зодчего Росси, помногу часов подпирая стену, держа в руках цветы или пластинки.

Впрочем, вскоре не нужно было занимать руки, потому что о моем существовании узнала одна из педагогов училища. Вера Леонтьевна через вахтершу предложила мне передавать Виолетте цветы и пластинки. И за несколько месяцев я перетаскал их множество.

Иногда Виолетта появлялась в компании со своими друзьями. Я увязывался за ними, ловя глазами чудесный профиль молоденькой балерины. А к моменту, когда мне предстояло сдавать экзамен по математике, у них ожидался выпускной спектакль в Мариинке.

Накануне того дня мой двоюродный брат Володя дал 8 рублей. Это были довольно большие деньги. Почему Володя дал их, так и осталось неясным. Но мне пришло в голову, что смогу купить гвоздики для Виолетты.

Утром я отправился на экзамен. Экзамен сложный, многие его не сдали, а я был, вроде бы, и готов, но казалось, что мое место у Кировского театра, у Мариинки, что я опаздываю. Поэтому подошел к нашему преподавателю Овчинникову, вернул ему билет с вопросами и сказал: «Олег Николаевич! Мне нужно идти, я не могу сейчас сдавать экзамен». Он сказал: «Но вам придется пересдавать его осенью!» – «Да, конечно», – прошамкал я и устремился прочь.

Накупив гвоздик, наконец, оказался у вождленного театра. Спектакль начинался вечером, и я все время до начала прошатался около. Наконец, когда стало ясно, что все участники выпускного спектакля уже внутри театра, я просто отнес цветы и попросил администратора передать Хуснуловой.

Стояла чудная солнечная погода, конец июня, пора белых ночей. И такая прозрачная ночь уже стала опускаться на Ленинград, когда ватага учеников Вагановского училища высыпала на площадь перед Кировским театром. У Виолетты в руках была часть моих гвоздик, очевидно, остальными цветами она поделилась с подружками. От их группы отделился статный парень, он подошел ко мне, назвался Валерой и сказал, чтоб я не волновался, что здесь у Виолетты только друзья, и что сейчас они намерены идти пьянствовать в общежитие училища. Меня не приглашали, и там мы и расстались, как оказалось, до конца осени.

Разумеется, к той белой ночи я знал уже и музыку Рахманинова, и музыку Римского-Корсакова, Брамса, а вот Баха было пока в коллекции совсем немного. Дни проходили в ожидании сладких моментов свидания с радиолой. Мама купила и радиолу, когда узнала об увлечении музыкой.

По утрам просыпался пораньше, часов в 5, а когда и в 3 уже был на ногах. Включал радиолу и слушал музыку. Уровень звука ставил на минимум, чтоб никому не мешать!

Потом шел на работу, оттуда – в институт, и снова – к радиоле. Слушал музыку до первого, а когда и до второго и третьего часа ночи. Так проходили дни, проходили недели, так прошло несколько месяцев. И я, не испытывая дефицита сна, был совершенно счастлив! Голову каждую минуту полнили волшебные звуки. Когда это были не звуки воспроизводимой с пластинок музыки, звучала музыка своя, приводя в совершенный восторг!

И я задумал стать композитором.

Недолгие колебания, и я направил стопы в ленинградскую консерваторию. Выслушал один из проректоров. Я просил принять меня в консерваторию. Передо мной стоял пожилой мужчина одного роста со мной (лет сорока, на самом деле, но в моем тогда юном возрасте сорок лет представлялись почти старостью). Он выслушал слезную просьбу и указал на стоящий в кабинете рояль, предложив сыграть.

– Сыграть? – опешил я – Но я на рояле не умею! – за окном было лето, и слышно было пение птиц.

– А на чем умеете? – проректор смотрел испытующе.

– На аккордеоне.

– Ну, поскольку вы задумали стать композитором, вам все же более подошло бы умение играть на фортепиано. Знаете что, молодой человек, тут неподалеку есть музыкальное училище имени Александра Порфирьевича Бородина. Отучившись в нем, вы смело можете поступать в консерваторию!

И я пошел в училище Бородина, Александра Порфирьевича. Там сообщили, что получить образование в училище практически для такого уже восемнадцатилетнего перестарка невозможно. Что гораздо перспективней учиться у частного педагога. Дали телефон, сказали, что учительницу зовут Инна.

Инна проживала вместе с мужем, маленьким ребенком и матерью на 4-й Советской улице. Договорился о занятиях раз в неделю с месячной оплатой уроков в сумме 16 рублей. Пару лет спустя узнал, что на самом деле за уроки Инна берет с ученика в месяц не 16, а 20 рублей. Конфуз, конечно, но Инна отказалась брать доплату.

Замечательная музыкантша, Инна была ученицей блестящей пианистки Есиповой. И под руководством Инны за полгода я прошел путь 5-ти классов музыкальной школы. Об этом стало известно после устроенного Инной экзамена, на котором были ее товарищи-музыканты.

Надо признать, что в то время я уже не работал. Мама разрешила, когда после серьезного со мной разговора стало ясно, что хочу бросить институт с тем, чтобы учиться на композитора.

Мама решила, что бросать институт не нужно, но что работать мне на время учебы не обязательно, более того, что она будет платить и за частные уроки.

Мама покинула мир в 2003 году. Я остаюсь перед ней виноват, да и перед отцом – тоже. А папа моих занятий музыкой в студенчестве не одобрял, ему мешали звуки пианино.

Мама была классным врачом-терапевтом и почти до самой смерти работала, даже когда была на пенсии – не хотели ее отпускать! А папа преодолел путь от чернорабочего, учась на вечернем в Военмехе, до начальника цеха завода «Большевик». Цельный и волевой человек!

Когда приглашенные моей учительницей педагоги, конклав музыкантов определили мне класс как после 5 лет обучения в музыкальной школе, Инна задумала показать талант своему знакомому композитору. С ним они учились в консерватории. Мне сказала, что нужно что-нибудь сочинить для того, чтоб не идти с пустыми руками.

Она немножечко, наверное, не доработала, выпустив меня с тем ничтожным опусом, который я вымучил, придумав банальное оформление романсом пушкинского стихотворения «Слеза». Получившуюся муть попытался представить на встрече композитору, тот поморщился и сказал Инне негромко о том, что ничего особенного во мне не находит.

Мягко говоря. И это был второй случай, когда я поверил специалисту в то время, когда надо было верить в себя!

Конечно, я не бросил заниматься сразу, а еще года полтора телепался, занимаясь через пень-колоду все меньше и меньше, находя причины для отлыниваний. И когда все-таки стал устраиваться на работу в марте 70-го, будущий начальник Рэм Анатольевич Житников, узнав о том, что я еще и музыке учусь, кинул взгляд, и заметил: «Это совершенно невозможно!»

Но лаборантом кафедры Квантовой электроники в Политехнический я был принят. С тех пор жизнь повернула в другую сторону.

В конце ноября 68-го случайно узнал, что Виолетта занимается с ансамблем Моисеева в спортивном зале одной средней школы, специально приспособленном для танцев. Отправившись туда однажды, так же случайно застал всех на месте. Ждать пришлось с полчаса. После чего Виолетта, уже знавшая о том, что я здесь, нашла компанию для похода в кино.

Кинотеатр был «Колизей», что смотрели, уже не помню. Помню только, что главное было не на экране, любовался на профиль пленившей меня девушки. Зал местами надо мной потешался. Впрочем, были и такие, что находили мое поведение романтичным.

Преследовать Виолетту с ее спутником я не стал.

А зимой гонялся за тенью. И чтобы не праздновать труса, шел в очередной раз за фетишем.

Одна такая девушка, когда я увязался за ней, согласилась слушать взволнованные речи о том, какая чудесная Виолетта и как я увлечен ее глазами. Я проводил девушку до парадного подъезда ее дома на Охте, где мы стояли на морозе, и она целый час мерзла, а я все говорил и говорил. Наконец, сосед высунулся из форточки и прокричал мне:

– Что ж ты, парень, ведь совсем девушку заморозил!

Я опомнился, и мы расстались.

Чудесная девушка! Чудесная встреча! Она так терпеливо и с таким вниманием слушала! Вот скажите, как не любить этот мир после таких встреч?

Я червь, я раб

В глазах твоих,
В глазах твоих
Презрение.
Презрение?
Что в жизни мне заменит их?
Глумление,
Глумление.
Я – шут, циркач, во мне одно
Сомнение.
Сомнение?
Ведь все пройдет, и мне смешно
Мое
самосожжение.

Я шел по улицам Ленинграда. Стоял конец декабря 1973 года. Было, как всегда в декабре, сумрачно и стыло. Но я шагал к любимой, возвратившись из армии, будто в оправдание своего долгого отсутствия облачившись в форму рядового.

Шинель, х/б, сапоги, серенькая шапка-ушанка. При встречах с военными правую руку – под козырек, и шел далее. Никто не останавливал. А в Саратове непременно бы военный патруль задержал. В кармане была справка о демобилизации. Служить мне надо было, как окончившему ВУЗ, всего год, в звании рядового. Лычек на службе не заработал.

Павел Семенович, увидев меня, как-то загорелся. Вся семья оказалась дома. И начались расспросы. Но я не изменился, и потому, как и раньше, ел глазами Леру. Скоро родители позволили нам уединиться в ее комнате. Но ничего не происходило, я по-прежнему робел, а разговор все время вертелся около тем, более всего касающихся не любимой, а меня.

Это случилось летом прошлого года, когда мы ехали в метро по направлению к Балтийскому вокзалу. Я почти как автомат все время повторял: «Лера! Я люблю тебя», и она выглядела слегка испуганной. В вагоне метро мы сидели рядышком, на Лере была юбка чуть выше колена, и я, протянув руку, положил ее на колено любимой. Положил без всякой задней мысли, просто от казавшейся естественной тяги быть ближе. А она прошипела: «Убери лапу!» – и я поспешно убрал.

Провожать себя дальше вокзала Лера не позволила. И когда я таки пробовал увязаться, уже на перроне она с отчаянием воскликнула: «Ну, что ты со мной делаешь!», на что я сразу, не подумав, как в зеркале, вскрикнул: «А что ты со мной делаешь?» Но тут же перепугался, и решил отпустить.

Как появлюсь перед нею снова, боялся и подумать.

А кажется, что нашел оправдание. В самом деле, в ответ на такое искреннее и бурное признание как могла любимая сама не броситься мне на шею! А теперь, после полуторого-

довалого отсутствия, сидел в военной форме и пытался занять разговором, будто не прошло и недели с нашей последней встречи.

В армии больше полугода был электриком части. Должность относится к разряду хоз-обслуги, хозобслуга лучше прочих снабжается съестным и почти вольная. Правда, выходить за пределы части без увольнительной рискованно, но если недалеко, отлучаться можно. Вкусив такой вольницы, жил почти барином. Мне в армии исполнилось 25 лет. Молодые солдаты уважали за преклонные года. Также уважали за высшее образование и принадлежность городу, который вся страна любит.

И вот в начале осени, когда до демобилизации оставалось пара месяцев, случилось ЧП. Дело в том, что казарму 5-й роты ремонтировали. Я не вдавался в детали ремонта, у меня бывало много своих дел. Разбудили в середине ночи и говорят, что пятая рота горит!

– Ну, и что? – спрашиваю спросонья. – Я что – пожарный?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.